

Министерство культуры Республики Крым

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым
«Центральный музей Тавриды»

XXII ТАВРИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ:

Научно-практическая конференция «ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

(5-7 октября 2022 г., Симферополь – Алушта)

Сборник материалов

Симферополь

ИТ «АРИАЛ»

2022

4. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 116.
5. Презентация фотовыставки «Партизаны в Крыму (1943–1944)» Свидетельствует кинооператор Иван Запорожский [Электронный ресурс]. URL: <https://pobedilivmeste.ru/wp-content/uploads/2019/05/Запорожский.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).
6. Материалы фондовой экспозиции отдела ГБУ РК «Центрального музея Тавриды» «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный» (далее МФЭ М КК).
7. Козлов И. В крымском подполье: воспоминания. Симферополь: Крымиздат, 1947. 311 с.
8. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 209.
9. Саркисов А. Героические дочери Кавказа. Баку: Азернешр, 1965. 180 с.
10. Северский Г. Страницы крымского подполья: к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 14 апреля. № 45 (3492).
11. Северский Г.Л. Поединок с «черной тенью»: рассказы, повесть. Симферополь: Таврия, 1990. 240 с.
12. Чирва И.С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: сборник / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204-261.
13. Страницы крымского подполья: к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 7 апреля. № 42 (3489).
14. Касьяненко Л. Храм вечных истин. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 248 с.
15. Северский Г. Страницы крымского подполья (Из воспоминаний первого заместителя командующего партизанским движением Крыма полковника Г. А. Северского): к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 5 апреля. № 41 (3488).
16. Северский Г. Страницы крымского подполья (Из воспоминаний первого заместителя командующего партизанским движением Крыма полковника Г. А. Северского): к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 9 апреля. № 43 (3490).
17. Северский Г. Группа «Сокол» (Подпольная организация Крымского драматического театра им. Горького) // Театральная жизнь. 1965. № 9. май.
18. Ландау С.Г. Александра Перегонец: судьба актрисы. М.: Искусство, 1990. 282 с.
19. Жукова Л. В симферопольском подполье // Музы вели в бой. Деятели литературы искусства в годы Великой Отечественной войны / сост. С. Красильщик. М.: АПН, 1985. 343 с.
20. Северский Г. Страницы крымского подполья (Из воспоминаний первого заместителя командующего партизанским движением Крыма полковника Г. А. Северского): к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 12 апреля. № 44 (3491).

21. Северский Г. Страницы крымского подполья (Из воспоминаний первого заместителя, командующего партизанским движением Крыма полковника Г. А. Северского): к 22-летию со дня освобождения Крыма // Кировец. 1966. 16 апреля. № 46 (3493).
22. Шамко Е.Н. Стояли насмерть // Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / ред.-сост. В. Е. Быстров, З. Н. Политов. М.: Госполитиздат, 1960. С. 550-589.
23. Иванченко Б. Ее звали Аня // Крымская правда. 1988. 5 апреля. № 80 (19395).
24. Сгибнев А., Корневский М. Адъютант Отто Кауша // У разведчиков есть имена: рассказы о подвигах советских разведчиков / сост. И. И. Шмелев. М.: Московский рабочий, 1973. С. 7-30.
25. Лота В.И. Алим. Крымская легенда. М.: Кучково поле, 2014. 144 с.

*А. К. Клементьев, О. В. Скворцова
г. Санкт-Петербург*

В ПОИСКАХ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА. КРЫМСКИЕ ЗАПИСИ ИВАНА ИВАНОВИЧА СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

26 ноября 2022 года исполнилось 150 лет со дня рождения Императрицы Всероссийской Марии Феодоровны. Последние годы ее жизни в России прошли в Крыму. Отсюда она отправилась на Мальту на британском дредноуте «Marlborough» вместе с дочерью Ксенией, многочисленными внуками и великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем с их семьями, а после прибыла в Лондон.

С момента публикации, к сожалению, лишь в русском переводе, дневниковых записей Императрицы, доступно стало интереснейшее описание жизни членов императорской фамилии в резиденциях южного побережья и именно этот источник обречен, по всей вероятности, остаться основным и самым надежным свидетельством о тех событиях¹.

Тем не менее, в последнее время стали доступны новые документы, авторы которых вносят важные дополнения и уточнения в свидетельства, оставленные последней русской Императрицей.

В первую очередь к ним относятся недавно опубликованные воспоминания «Отряд особого назначения для охраны Лиц Императорской

¹Дневники Императрицы Марии Феодоровны. М., 2007. 704 с.

Фамилии в Крыму»², записанные пол столетия спустя командиром Отряда полковником Сергеем Александровичем Алухтиным (1893-1969, Хартфорд, штат Коннектикут), описывающим повседневную жизнь лиц императорской фамилии и их охранения в южнобережных резиденциях в подробностях, о которых до сего времени почти ничего не сообщалось.

Публикуемые воспоминания лейтенанта флота Ивана Ивановича Стеблин-Каменского повествуют о первом внешнем контакте с лицами императорской фамилии, предпринятом британским военным командованием в Константинополе по личному указанию короля Георга V, мать которого королева Александра приходилась старшей сестрой Императрице Марии Феодоровне. Они были записаны, полагаем, вскоре после кончины Императрицы. Во всяком случае, на последнем листе подписанного автором машинописного текста сохранилась карандашная помета: 1929.

Можно допустить, что в основу публикуемого текста положены дневниковые личные записи скрывшегося под именем «лейтенант К.» автора. В пользу такого предположения свидетельствуют как чрезвычайная точность хронологии событий между утром 17 ноября 1918 года, когда И. И. Стеблин-Каменский узнал о поставленной ему задаче, и пятью часами вечера 22 ноября, когда он и его спутник прибыли для доклада о результатах своей миссии, так и изобилие мельчайших подробностей их путешествия, которые едва ли припомнились бы десять лет спустя. Известно также, что дневник автор не прекращал вести и в последующие годы.

До сих пор об этой первой встрече посланцев британских монархов и Императрицы Марии Феодоровны знали, в первую очередь, из ее дневниковой записи, согласно которой событие это имело место в среду 7 ноября 1918 года: «В 11 часов, когда Ксения еще находилась у меня, прибежал Вяз[емский] и сообщил о приходе анг[лийского] морского офицера с письмом для меня. Им оказался ад[мирал] с корвета. Он от имени Джорджи предложил мне уехать отсюда на анг[лийском] корабле, который будет предоставлен в мое распоряжение. Я тут же приняла этого оф[ицера], и он рассказал, что сегодня ночью высадился на берег в Орланде. Он тайно добрался до Алупки и в конце концов нашел нужный дом, в чем ему помог русский оф[ицер] Коровосопов³. Я сказала, что чрезвычайно тронута и

²См.: Клементьев А. К. Особый отряд по охране Лиц Императорской Фамилии в Крыму в октябре 1918 – апреле 1919 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 304-359. Там же приведены «Краткая записка о службе Полковника Сергея Александровича АЛУХТИНА», его автобиография и фотографический портрет. (С. 357-359).

³ Сложно сказать, откуда взялась эта столь странно звучащая фамилия... Возможно, что ее плохо запомнила Императрица, вносящая запись в дневник после целого дня, переполненного впечатлениями от неожиданных известий, возможно, что это ошибка переводчиков при чтении английского подлинника рукописного дневника. Менее всего

благодарна, но попросила его отнестись с пониманием к моим словам. Я объяснила ему, что никакой опасности для меня здесь больше нет и что я никогда не смогу позволить себе бежать таким вот образом. Как мне показалось он понял меня. Я пригласила его к завтраку, за которым также были Ксения, Ольга и Сандро. Какая радость, какие приятные чувства охватили меня, ведь мы наконец-то встретились с союзниками! По его словам, два их корабля в ожидании приказа в настоящее время находятся на якоре далеко в море. Я заметила, что гораздо полезнее было бы им открыто встать на рейде с поднятым флагом Ялты, поскольку это произведет наилучшее впечатление на всех находящихся здесь, где столь долго ждали прибытия союзников, и тем самым успокоить их. То же самое сказал ему и Сандро, и, я надеюсь, так все и произойдет. Все присутствующие за завт[раком] были радостны и возбуждены. Они оставались у меня до 3 часов дня. Я быстро написала письмо любимой Алике, которая, как я чувствую, была зачинницей и уговорила Джорджи сделать это. Я написала еще текст благодарственной телеграммы ей и Д[жорджи] который он взял с собой.

<...> 9 ноя[бря]. Пятница. <...> английский эсминец всю первую половину дня улаждал мой взор, курсируя взад и вперед вдоль берега. Как хорошо, что можно наблюдать за маневрами английского корабля, – одно это заставит всех уважать их. Другой корабль вчера вечером отбыл в Константинополь»⁴.

Второе свидетельство – начальника Особого отряда для охраны С. А. Алухтина, во всем согласуется как с дневниковыми записями Императрицы, так и с публикуемым свидетельством И. И. Стеблин-Каменского: «В конце ноября у берега Харакса высадились два англичанина – офицер и русский переводчик – со шлюпки, спущенной с английского миноносца. Этот миноносец подошел к берегу ночью. Англичане совершенно не знали обстановки в Крыму, были уверены, что Императрице угрожает опасность, и по желанию английской королевы, сестры Императрицы, хотели эвакуировать Марию Феодоровну.

Проблуждав по нижнему шоссе, эти первые посланцы союзников были доставлены к князю Вяземскому. Они передали письмо от английской королевы Александры. Императрица их приняла, долго с ними разговаривала, пригласила с Нею пообедать, но уехать из Крыма категорически отказалась. „Пока около меня русские офицеры, я не покину Россию“, – заявила она.

В тот же день вечером к берегу подошла шлюпка и посланцы вернулись на свой корабль.

возможным представляется, что автор сам назвал себя так с ему одному известной целью...

⁴Дневники Императрицы Марии Феодоровны. С. 274-275.

Позже я узнал, что этот корабль при возвращении в Константинополь попал в сильнейший осенний шторм, сильно пострадал и едва нашел дорогу в Босфор. Сама судьба спасла Императрицу от лишнего испытания»⁵.

Год спустя другое судно британского королевского флота эвакуирует Императрицу Марию и пребывавших с нею членов императорской фамилии, сделав их и их потомство неуязвимыми для большевиков. Сохранить память об этом историческом походе сумели многие, как сама Императрица, так и уезжавшие с нею.

Наиболее информативны воспоминания британского вице-адмирала Артура Фрэнсиса Прайдхема (1886-1975), главного организатора эвакуации вдовствующей Императрицы и всех остальных членов Императорской Фамилии и их приближенных на одном из новейших и самых великопленных военных кораблей Королевского флота – вошедшем в строй в 1914 году дредноуте «Мальборо»⁶. Самый факт направления подобного гиганта для эвакуации лишь нескольких десятков человек из Крыма свидетельствует о том, сколь деликатно отнеслась Британская Королевская Семья к трагическому положению своих близких. Посадка с берега и размещение на борту прошли без всяких помех. Добросердечность, внимание и исключительная предупредительность А. Ф. Прайдхема не остались без внимания, и Императрица удостоила его орденом Святого Станислава. Сам же вице-адмирал, своевременно оценив дарованное ему судьбою счастье, не только сразу озоботился получением памятных автографов членов императорской фамилии на их фотографических карточках (одна из них – на палубе «Мальборо» – ныне широко известна), но тридцать семь лет спустя посвятил целую книгу этому эпизоду своей невероятной морской биографии, навеки закрепившему его имя в истории русской государственности⁷...

О первом же походе британских кораблей в Крым, позволившем подтвердить, что Императрица и ее ближайшее окружение пребывают в

здравии и относительной безопасности, до сих пор известно очень мало, несмотря на сохраняющиеся в архиве Британского Адмиралтейства разнообразные документы о всех событиях британской помощи Императрице и ее семье. Теперь мы имеем возможность ознакомиться с подробнейшим отчетом об этой экспедиции, начавшейся в Константинополе в 15 часов 19 ноября 1918 года и завершившейся там же в 17 часов 22 ноября 1918 года, то есть продолжавшейся 74 часа. Семь с половиной часов (от 11 утра до 18.30, 21 ноября) посланцы провели в обществе Императрицы и ее близких.

Можно с уверенностью утверждать, что многочисленные потомки русской императорской фамилии продолжают здравствовать и сегодня, благодаря, в первую очередь, именно этим двум рейдам кораблей британского королевского флота.

Автор воспоминаний родился 31 октября 1895 г. в Петербурге. В 1909-1914 гг. обучался в Морском корпусе, по окончании курса произведен в мичманы. С 11 ноября 1914 до 1 мая 1918 г. служил в Черноморском флоте на многих военных кораблях. За участие в боевых действиях награжден орденами Св. Анны IV ст., Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1915 г.), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом и Георгиевским оружием (1917 г.). Высочайший приказ о его производстве в лейтенанты флота был объявлен уже после Февральского переворота. В 1919 г. в Константинополе женился на Елене Дмитриевне Кузнецовой (1896-1974). Поселился в Париже, где работал шофером такси и сотрудничал во многих периодических изданиях, в том числе военных. С началом новой Мировой войны смог отправиться в Россию в качестве переводчика германской армии. Погиб в 1944 г.

Публикуемый текст сохранился среди бумаг полковника И. Зальнского в машинописном подлиннике (второй или третий экземпляр машинописной закладки), написан согласно правил традиционной русской орфографии (листы 1-14) и не озаглавлен. На л. 14 справа под текстом подпись-автограф чернилами: Иванъ Стеблинь-Каменский. В верхнем правом углу л. 14, над текстом помета карандашом: 1929.

Фотокопия текста предоставлена в 1992 г. О. И. Зальским и печатается согласно правилам современной орфографии с сохранением всех особенностей пунктуации и написания отдельных слов и географических названий.

Утром 17-го ноября, лейтенант К. встретил французского офицера для связи, состоящего в штабе адмирала Кальторпа⁸. Офицер искал лейтенанта,

⁸Адмирал флота Сомерсет Артур Гоф-Калторп (Sir Somerset Arthur Gough-Calthorpe, 1865-1937). Командующий Средиземноморским флотом с апреля 1917 г. Линкор HMS «Superb» с июля 1917 г. был флагманским кораблем вице-адмирала Гоф-Калторпа,

чтобы сообщить, что его вызывают на «Сюперб»⁹. На «Сюпербе» лейтенанта К. принял начальник штаба.

Все двери были тщательно заперты, они оставались втроем с английским комендором, которого лейтенант К. видел впервые. Начальник штаба объявил, что английские Король и Королева, беспокоясь о судьбе Императрицы Марии Феодоровны, приказали послать за нею в Крым корабль. Поручение это должно быть исполнено тайно, без всякого шума.

Лейтенанту К. и английскому комендору Терлу предлагалось подойти ночью на миноносце к Ай-Тодору, незаметно высадиться на берег и увидеть Императрицу. Если она согласится покинуть Россию, то, приняв ее ночью и тайно со свитой на шлюпку, – вернуться на миноносец и идти в Константинополь, где Императрице будет предоставлен большой корабль для следования в Англию. Если же она не даст своего согласия, то Терл и лейтенант К., взяв от нее письмо к английским Монархам, должны вернуться в Константинополь.

Лейтенант К. с радостью принял предложение. Весь разговор начальник штаба просил держать в полном секрете и ничего не говорить французам.

Было решено, что завтра лейтенанта К. вызовут на «Сюперб» для совместного обсуждения экспедиции во всех деталях.

На «Мишле», который стоял в трех милях от «Сюперба», лейтенант К. вернулся только в половине второго.

С утра 18-го ноября он ожидал вызова. Около 3 часов дня за ним пришел катер. На «Сюпербе» его ожидал комендор Терл, назначенный начальником предстоящей экспедиции. //

Терл был джентльмен с головы до ног, почти одних лет с лейтенантом К., атлетического сложения, спортсмен и человек с большим юмором. Он командовал тральщиками, находящимися в Константинополе, выбор Кальторпа пал на него не случайно – Терл считался одним из лучших офицеров эскадры.

Для сохранения инкогнито, они должны были высадиться на берег в штатском платье. С собой они брали на два дня провизии, электрические фонари для сигнализации и 50 фунтов стерлингов русскими деньгами.

который 30 октября 1918 года от имени всех союзных государств подписал Мудроское перемирие, которое вывело из Войны Оттоманскую империю, признавшую свое поражение. В ноябре 1918 г. HMS «Superb» первым из судов союзной эскадры вошел в Константинополь.

⁹HMS «Superb» – один из трех дредноутов класса Bellerophon, построенных для Королевского флота. Принят на вооружение в мае 1909 г. В июле 1909 г. его посетили Король Эдуард VII и Император Николай II. В октябре 1918 г. переведен в Средиземноморский флот и назначен его флагманским кораблем. После окончания войны в ноябре 1918 г. участвовал в операциях союзных сил в Средиземном и Черном морях. Разобран в 1923 г. Имел длину 160,3 м. Экипаж в 1914 г. – 840 офицеров и матросов. Вооружен десятью 305 мм орудиями.

Из Константинополя решили взять для высадки хорошую шлюпку, так как шлюпки миноносца были малы.

По сведениям адмирала Кальторпа Императрица жила на даче Харакс, около маяка Ай-Тодор, по дороге из Ялты в Алупку, близ Ливадии. Для выполнения поручения комендору Терлу давались два миноносца – «Трибун» и «Акула», с ходом в 35 узлов¹⁰.

Обсудив во всех деталях экспедицию, лейтенант К. и Терл отправились на берег. Лейтенант К. выбрал хорошую мореходную шлюпку, которую они и наняли на несколько дней.

Вторник, 19-го ноября, – день, назначенный адмиралом Кальторпом для выхода миноносцев в Крым, случайно совпадал с днем праздника Морского Корпуса¹¹. В этот день, по обычаю еще со времен Анны Иоанновны, моряки, где бы ни оказался их корабль, собирались вместе за традиционным жареным гусем с яблоками вспомнить о разбросанных по всему свету однокашниках. Лейтенант К. был на чужбине одинок, но настроение у него было праздничное. С раннего утра он приготовился к походу, уложил все необходимое на два дня отлучки и предупредил старшего офицера «Мишле», что уходит с англичанами на несколько дней в Босфор.

Наконец, в 12 часов дня, за ним пришла шлюпка с «Сюперба». Терл ждал его у начальника штаба. Втроем они пошли к адмиралу Кальторпу, у которого уже находились командиры «Трибуна» и «Акулы». Кроме них, лейтенанта К. и Терла, никто не должен был ничего знать. Адмирал обратился с последним наставлением к Терлу и к лейтенанту К., после чего тот в кратких словах выразил адмиралу признательность за оказанное доверие.

Через четверть часа английские офицеры и лейтенант К. перешли на миноносцы, стоявшие уже под парами, готовые сняться с якоря.

Терл сейчас же приказал сниматься с якоря. В 3 часа дня «Трибун», на котором находились лейтенант К. и Терл, и «Акула», вышли из Золотого Рога. В Стении¹² уныло стоял еще пресловутый «Гебен»¹³, с «Трибуна» хорошо видны были повреждения, полученные им в Дарданеллах.

¹⁰HMS Tribune и HSM Shark – два из 67 эсминцев класса S, заказанных Британским Адмиралтейством в 1917 г. Оба вступили в строй в 1918 г., списаны и разобраны в 1931 г. HMS Tribune в январе 1920 г. был направлен в Каркинитский залив, позже участвовал в эвакуации русских беженцев из Крыма. Имел длину 84 м. Экипаж – 90 офицеров и матросов. Развивал максимальную скорость в 36 узлов (67 км/ч) при нормальной загрузке. Мог совершать переход в 2,750 морских миль (5,090 км) при скорости в 15 узлов (28 км/ч). Был оснащен тремя 102 мм корабельными орудиями.

¹¹ Автор воспоминаний окончил Морской корпус в 1914 году.

¹² Бухта в Босфоре у выхода в Черное море.

¹³ Германский линейный крейсер «Гебен», введенный в строй в 1912 г. и получивший большую известность в ходе операций Первой мировой войны, был 2 ноября 1918 г. передан в собственность правительства Турции и до 1950 г. оставался флагманом турецкого военно-

В Черное море «Трибун» и «Акула» вошли первыми из кораблей союзников. Траление подходов к Босфору со стороны Черного моря только заканчивалось, и миноносцы настигли у плавучего маяка партию тральщиков за работой. Миноносцы легли на Ай-Тодор и дали полный ход.

20-го ноября, в три с половиной часа ночи, миноносцы подошли к крымскому берегу¹⁴. Ночь была лунная и берег ясно виден. Лейтенант К. узнал, справа по носу, характерную медвежью тушу Аю-Дага и, прямо по курсу, вершину Ай-Петри. Миноносцы вышли как раз на Ай-Тодор. Приблизившись на несколько кабельтовых к берегу, они застопорили машины, и «Трибун» спустил шлюпку, в которую сели гребцы, Терл и лейтенант К.

Было четыре часа ночи. Ветер утих, но оставалась сильная мертвая зыбь. Луна освещала отвесные скалы, об которые с шумом и пеной разбивались волны прибоя. О высадке в этом месте нечего было и думать.

В поисках доступного места для высадки, шлюпка повернула в сторону Ялты и пошла вдоль скал. Всё то же – огромные буруны и гряда утесов, без признака песчаной отмели. Высадка здесь была немыслима. Начался рассвет, с берега могли заметить английские корабли. Приходилось возвращаться.

Был уже шестой час утра, когда шлюпка вернулась к «Трибуну». Он принял офицеров, основательно промокших и продрогших, и вместе с «Акулой», дав полный ход, направился в открытое море.

Весь день они держались вне видимости берегов. Дул свежий зюйд-вест. Но после полдня ветер начал затихать и к сумеркам перешел на благоприятный для высадки норд-вест. Лейтенант К. предложил на сей раз попытаться высадку на ливадийском пляже, единственном удобном месте, какое он знал. В случае невозможности пристать и там, решено было идти в ялтинский порт, чего, конечно, хотелось избежать, дабы не обнаружить секрета.

21-го ноября, в три с половиной часа ночи, «Трибун» снова подошел к Ай-Тодору, но со стороны Ливадии. Море было спокойно, хоть с берега и доносился шум сильного прибоя. Когда спускали шлюпку, Терл повторил командиру «Трибуна» свои последние распоряжения. Миноносцы, по возвращении шлюпки, должны были идти в открытое море, с тем, чтобы к 7 часам вечера быть у Ай-Тодора и ждать условленных сигналов с берега.

Луна светила еще ярче, чем накануне, с берега легко было рассмотреть и корабли, и отвалившую от них шлюпку. Вельбот направился к белевшему пляжу. Справа был виден Ливадийский дворец. Лейтенант К. опасался, что,

морского флота. 27 апреля 1915 г. автор воспоминаний участвовал в бою с крейсером «Гёбен», за что месяц спустя удостоен ордена Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

¹⁴ Таким образом, путь около 600 км от Константинополя до Ялты миноносцы прошли за двенадцать с половиной часов.

если высадиться в Ливадии, то будет трудно выбраться из окружающей парк высокой каменной ограды. // Но другого решения задачи не было – направо и налево от маленькой полоски песка, к которой быстро несся вельбот, тянулась гряда неприступных утесов.

Сильная волна прибоя подхватила шлюпку и выбросила ее далеко на пляж. Офицеры соскочили на песок и стоя по колено в воде, напрягли силы, чтобы не дать прибоем повернуть шлюпку параллельно волне и разбить о берег. С большим трудом удалось толкнуть ее обратно в воду.

Лейтенант К. и Терл быстро пересекли освещенный луной пляж, и, достигнув полосы деревьев и кустов, как бы по уговору, остановились, затаив дыхание. Тишина... Только ветер в верхушках сосен, да волны бьются об утесы. Похоже на то, что никто их не заметил, берег, по-видимому, не охранялся никем.

Ободренные, они начали карабкаться по крутому склону к ялтинскому шоссе. Вскоре вышли на малоезженную дорогу, двинулись в сторону Ялты, и, пройдя несколько сот шагов, увидели высокую каменную ограду. Дорога уперлась в большие ворота. Тогда, повернув назад, они вышли на другую дорогу, которая привела их к таким же воротам в ограде. Очевидно, это и была Ливадия, со своими многочисленными въездами.

Луна показалась из-за облака и осветила невдалеке высокий каменный забор. При помощи Терла, лейтенант К. влез на забор и облегченно вздохнул: за забором тянулось шоссе. Они очутились на ялтинской дороге между Ливадией и Ай-Тодором.

Было 4 с половиной часа утра. Тут только офицеры вспомнили, что шлюпка ждет сигнала. Лейтенант К. вышел на открытое место, откуда хорошо было видно море, и сильным электрическим фонариком сделал условный знак в сторону высадки. //

До рассвета оставалось полтора часа. Офицеры засели в чаще, чтобы с восходом солнца отправиться на поиски красного дома с красной крышей. Они достали из походных мешков сэндвичи с солониной и с большим аппетитом принялись за еду. Терл, по обыкновению, не терял своего веселого расположения духа, ему нравилось приключение...

В седьмом часу путники направились в сторону Ай-Тодора. В случае встреч и расспросов лейтенант К. решил говорить, что они совершают прогулку из Ялты в Алупку. Время, правда, было неподходящее для экскурсий, – было холодно, накрапывал дождь, – но всякий веселится по-своему. При встрече с прохожими лейтенант К. начинал громко разговаривать по-русски, обращаясь к Терлу, а англичанин, чтобы не выдать себя акцентом, отвечал только «да, да».

Вот, и Ай-Тодор, рядом с которым жутко висит над морем причудливое Ласточкино Гнездо. Дорога тут круто поворачивает вправо. Офицеры увидели в стороне моря несколько больших дач, с оградями, выходящими на ялтинское шоссе. Все дачи были с красными крышами, но ни одна из них не была красной! Между тем, лейтенант К. твердо знал, что

Харакс должен находиться вблизи Ай-Годора... Они пошли дальше, внимательно разглядывая дачи.

Вдруг, на воротах небольшого светлого дома с красной крышей, лейтенант К. прочел название «Харакс». Хоть дача и не красного цвета, сомнения быть не могло. Очевидно, сведения, полученные в штабе Кальторпа, были неточны. Оставалось узнать, продолжает ли Императрица находиться здесь и, если да – то допустит ли к ней стража? Во всяком случае, для визита было слишком рано. Лейтенант К. и Терл решили пойти в Алупку, а по дороге расспросить прохожих или сидельцев кофеен. В Алупке лейтенант К. надеялся и на знакомых. //

Терл не переставал восхищаться красотами Крыма на каждом повороте дороги, он, действительно, походил на туриста.

Отойдя от Харакса, путешественники встретили мальчика, которого лейтенант К. спросил, сколько верст до Алупки. Мальчик пошел с ними. Тут они поравнялись с высокой каменной стеной, за которой белелась большая дача – Дюльбер, имение Великого Князя Петра Николаевича. За углом стены, вдруг, вырос перед ними студент, с винтовкой в руке и бомбой за поясом. Студент был одет небрежно и вообще не внушал доверия. Он остановился и стал подозрительно приглядываться. Лейтенант К. принял непринужденный вид и обратился к студенту с просьбой указать дорогу в Алупку. Тот ответил, но неохотно. Эта встреча показалась плохим знаком: оказывалось, что дворцы охраняются. Но кем? Друзьями или врагами? Судить было трудно, а спросить прямо, значило показать полную свою неосведомленность и выдать себя с головой!

В Корсизе встретился извозчик. Лейтенант К. заговорил с ним и осторожно перевел речь на Императрицу. Оказалось, что она, действительно, жила в Хараксе.

При въезде в Алупку, они увидели небольшое здание кордона и против него полосатую будку часового. В Алупку решено было не заходить, а повернуть обратно: могло случиться, что при входе стража потребует документы.

В Корсизе, уже на обратном пути, они не узнали ничего нового и решили идти прямо в Харакс. Было 9 часов – через час они могли прийти к цели.

По дороге лейтенант К. думал поговорить еще раз со студентом, охранявшим Дюльбер, но там уже стояли два вооруженных военных, в форме хаки, – не то офицеры, не то солдаты. //

Часовые подозрительно их осмотрели и, когда лейтенант К. и Терл прошли мимо, последовали за ними и проводили до конца ограды Дюльбера. Лейтенант К. прибавил шагу, во избежание расспросов. Правда, вид у обоих путников, в особенности, у Терла, – в костюме с чужого плеча, который он достал в Константинополе, – был подозрительный. При посадке, оба промочили ноги и перепачкались, карабкаясь ночью в кустарнике, а затем, перелезая через забор и ожидая в лесу под дождем. К тому же, и тот и

другой выделялись ростом и атлетическим сложением, – одно это привлекало внимание.

Около Харакса встретился мальчик, который охотно разговорился с лейтенантом К. Он сообщил, что Императрица живет без всякого надзора, с небольшой личной охраной.

У ворот Харакса никого не было. Лейтенант К. нажал на щеколду: калитка отворилась, они вошли в сад. Прямая аллея вела к небольшому, хорошенькому домику в глубине, шагах в ста от ворот.

В стороне от аллеи стоял пожилой человек, видимо, садовник, – он тотчас подбежал к ним, почтительно сняв шапку.

- Кто гофмаршал Ее Величества? – спросил у садовника лейтенант К.

- Князь Долгорукий¹⁵.

- Дома ли?

- Никак нет

- А кто его заменяет?

- Князь Вяземский.

- Можно видеть?

- А вот дом Императрицы, позвоните, князь – там.

Ларчик, оказывалось, открывался просто.

Они позвонили.

Лакей отворил дверь и, стоя на пороге, подозрительно осмотрел их. Лейтенант К. дал карточку комендора Терла, прося доложить князю Вяземскому.

Лакей сейчас же вернулся, приглашая их войти в дом. Навстречу им спешил старичок в штатском, в котором лейтенант К. узнал вице-адмирала князя Вяземского. //

Быстрые объяснения, крепкие рукопожатия. Встреча была радостной. Все говорили сразу, перебивая и не дослушивая друг друга: Императрица не забыта, о ней беспокоятся, за нею присланы корабли, сейчас ее можно будет увидеть, поручение будет исполнено.

Не дослушав лейтенанта К., взволнованный Вяземский поспешил к Императрице. Терл был приглашен наверх, лейтенант К. остался с Вяземским.

Минут через пятнадцать Терл вернулся в кабинет Вяземского, а лейб-казак доложил, что Императрица просит к себе лейтенанта К.

По красивой деревянной лестнице лейтенант К. поднялся на первый этаж и остановился у двери:

– Входите, входите, – сказал лейб-казак.

¹⁵ В Хараксе при Императрице Марии Феодоровне состояли генерал-майор свиты князь Сергей Александрович Долгорукий (1875-1933) и вице-адмирал князь Николай Александрович Вяземский (1857-1925), бывший командиром Императорской яхты «Полярная звезда». Кн. Н. А. Вяземский выехал из Крыма в Данию, где и скончался. В своем дневнике Императрица обычно именует их «Мои господа».

Лейтенант К. вошел в большую комнату, в глубине которой, за ширмой, стояла кровать. Посреди комнаты был круглый стол и вокруг – несколько стульев: комната служила одновременно спальней и гостиной. Навстречу поднялась худенькая, стройная дама, просто одетая, ей можно было дать не больше 50-55 лет. Это была Мария Феодоровна.

Императрица встретила лейтенанта К. просто и сердечно, как будто давно его знала. Тут же в комнате находилась дама, с которой Императрица познакомила лейтенанта К., сказав: «моя дочь». Он узнал Великую Княгиню Ксению Александровну.

Императрица усадила около себя лейтенанта К., расспрашивала его о путешествии, о союзниках, в свою очередь рассказывала о положении в России. <...> Но отплыть, – вернее, бежать, на английском миноносце в Константинополь, – Императрица решительно отказалась.

Разговор продолжался около получаса. Отпуская лейтенанта К., Императрица пригласила его к завтраку. //

У Вяземского лейтенанта К. ожидал Великий Князь Александр Михайлович. Великий Князь увел его в соседнюю комнату и горячо говорил о том, что союзному флоту необходимо, как можно скорее, войти в Черное море: на Украине восстание, гетман бессилён, немецких войск больше нет, большевики снова захватывают все в свои руки. <...> Уходить обоим миноносцам сейчас невозможно. <...>

Через четверть часа князь Вяземский повел их в столовую. Императрица села посредине стола, посадив направо от себя Терла, налево – лейтенанта К. Против них заняли места князь Вяземский, князь Долгорукий и Великий Князь Александр Михайлович, по краям стола – Великие Княгини Ксения и Ольга Александровны.

В продолжение завтрака Императрица не переставала беседовать со своими гостями. Простота и сердечность ее обращения взяли верх над их застенчивостью, и завтрак прошел в оживленных разговорах.

Меню завтрака лучше всяких слов свидетельствовало о той простоте, в какой жили Члены Императорской Фамилии. <...>

После завтрака Императрица и ее гости перешли в гостиную, куда подали кофе. Императрица предложила мужчинам курить и закурила сама.

Великий Князь снова увел лейтенанта К. в соседнюю комнату, чтобы поговорить о положении, создавшемся на юге России, и о дальнейших планах союзников. <...>

Пробыв более часа в гостиной, Императрица встала и простилась с лейтенантом К. и Терлом. Великая Княгиня Ольга Александровна, уходя домой, пригласила их к себе пить чай.

До чаю оставалось еще полчаса. Лейтенант К. и Терл пошли с Вяземским на берег моря – выбрать место для посадки. По дороге князь повел их к себе и представил своей жене, француженке по происхождению. // Княгиня была страшно напугана революцией, всего боялась, ужасалась

ценом и жаловалась на прислуку¹⁶. Сейчас княгиня была неспокойна: вот уже два дня, как горничная громко распевала в комнатах. <...>

От дома, где жила Императрица, до моря было далеко. К западу от маяка Ай-Тодор, почти против Харакса находилась маленькая пристань, которую они и выбрали для посадки сегодня вечером. <...>

По дороге Вяземский рассказал им о жизни Императрицы: у нее нет никаких средств. Великий Князь Александр Михайлович хорошо торгует своими винами, а Николай Николаевич удачно продал имение, рядом с Хараксом, на эти деньги и существовала Императорская Фамилия.

В 4 часа лейтенант К. и Терл пришли к Великой Княгине Ольге Александровне. Она жила со своим мужем, полковником Куликовским, и маленьким сыном Тихоном в Хараксе же, в крошечном домике, очевидно – бывшем флигеле садовника или сторожа.

В крошечной комнатке был накрыт стол для чая, со сдобными булочками из Ялты и домашним вареньем. Хозяева и гости с трудом разместились вокруг стола, заняв всю комнату. Тихон сидел на коленях у отца. Великая Княгиня Ольга Александровна хозяйничала и была сама простота и любезность.

Она рассказала про все страхи, которые были пережиты при большевиках. Все члены Императорской Фамилии жили тогда в Дюльбере под стражей, без права выхода. Очень многим, может быть, даже самой жизнью, они обязаны начальнику охраны, прапорщику флота Х..., который, притворясь ярым большевиком, на самом деле, заботился о заключенных, стараясь всячески облегчить их участь и не допустить кровавой расправы. С приходом в Крым немцев, Императрица переехала в Ай-Тодор, имение Великого Князя Александра Михайловича, а в мае месяце – в Харакс. // От немецкой охраны Члены Императорской Фамилии категорически отказались и жили без всякой стражи. Немцы все же установили свои патрули на шоссе, около дворцов. Неделю тому назад прибыла охрана из Добровольческой армии, под командой полковника Ф...¹⁷ Императрицу охраняло 7 человек¹⁸, Дюльбер – 21. В Хараксе, из-за малочисленности охраны, караула не держали.

¹⁶ Через два дня после убийства 12 декабря 1918 года московского предпринимателя Ю. П. Гужона Императрица записала в дневнике: «Приняла жену Вяземского, которая рассказала, что пребывает в вечном страхе и желала бы переехать в м[алый] дом [...]. Убийц, разумеется, не поймали. Теперь ведь нет ни полиции, вообще никого, кто мог бы следить за порядком». (Дневники Императрицы Марии Феодоровны, запись от 14 декабря 1918 г. С. 283-284).

¹⁷ Полковник Илларион Викторович Федотьев (1880, Луцк — 1960, Буэнос-Айрес) — командир 17 пехотного Архангелогородского полка. Первый командир Отряда особого назначения. ([Некролог] // Часовой. Брюссель. 1960. № 410. С. 19).

¹⁸ 3 ноября 1918 г. Императрица отметила: «К нам в качестве караульных приставили пятерых офицеров, довольно забавно, что Вяземский и Долг[оруков] восприняли это как трагедию!» (Дневники императрицы Марии Феодоровны. С. 273).

В пять часов пришли Великая Княгиня Ксения Александровна и князь Долгорукий, который только что вернулся из Ялты и привез с собою последние газеты, с известиями о событиях на Украине: восстания петлюровцев, расстрелы, грабежи, близкое падение гетмана. Все это лейтенанту К. предстояло доложить адмиралу Кальторпу.

В шесть с половиной часов лейтенант К. и Терл покинули гостеприимных хозяев и пошли к Вяземскому, чтобы получить от него письма Императрицы и письмо Вяземского к английскому адмиралу.

Взяв письма, в восьмом часу вечера они спустились вместе с Вяземским и офицерами охраны на пристань и электрическим фонарем начали вызывать из темноты шлюпку «Трибуна», который должен был ждать где-то поблизости. Вскоре послышался плеск весел. Шлюпка, правая на фонарь, подошла к пристани. Минут через десять вельбот приблизился к «Трибуну».

Терл приказал «Акуле» остаться у крымских берегов в ожидании дальнейших распоряжений адмирала Кальторпа, а «Трибун» дал полный ход – в Константинополь. Погода была отличная, море тихое, лейтенант К. лег отдыхать в надежде, завтра, 22 ноября, в 10 часов утра, стать на якорь, около «Сюперба».

Но, человек предполагает, Бог располагает. Отойдя миль на 50 от крымского берега, «Трибун» встретил свежий норд-ост, крепчавший с каждым часом. Утром миноносец уже сильно валяло. // Небо заволочли тучи, горизонт из-за сильной мглы уменьшился до двух-трех миль. В это время года, норд-ост часто достигает силы бури и не прекращается по несколько дней кряду.

«Трибун» уменьшил ход до самого малого, чтобы не разбиться о камни. Только к 1 часу дня, вместо 9 часов утра, он подошел к тому месту, где, по исчислению, должен был находиться босфорский плавучий маяк и вход в протраленный фарватер, между минными заграждениями.

Но ни маяка, ни берега не было видно. Очевидно, штормом их снесло в сторону. Между тем мгла не рассеивалась. Не найдя маяка, миноносец повернул прямо к берегу, чтобы так или иначе определить свое место и найти Босфор. По всей вероятности, шел он по минному заграждению, рискуя каждую минуту взлететь на воздух. Розмахи качки стали достигать 40 градусов на борту. Даже лежать на койке становилось невозможным. Корму «Трибуна» то и дело подкидывало на воздух, и тогда винты начинали усиленно вращаться, опасно сотрясая корабль. В машине и кочегарках с наглухо задраенными люками и горловинами, нещадно подбрасываемые валами, измученные люди с трудом справлялись с обязанностями.

Три часа «Трибун» кружился по минному заграждению в поисках маяка.

Наконец, его так положило, что все полетело вверх дном. Лейтенант К. стал считать секунды, мысленно спрашивая себя, поднимется ли миноносец или волна накроет его и он перевернется. Прошло секунд 10-15,

показавшихся всем долгими минутами. Наконец, «Трибун» начал медленно выпрямляться. У лейтенанта К. отлегло от сердца, опасность миновала. С большим трудом он добрался до мостика. Слава Богу, плавучий маяк, наконец, открылся! //

От плавучего маяка «Трибун» повернул на Босфор и пошел по протраленному фарватеру, имея ветер за кормой. Качка уменьшилась. Еще через полчаса он вошел в Босфор, и моряки с облегчением вздохнули.

В пять часов вечера «Трибун» стал на якорь в Золотом Роге. Командир «Трибуна», лейтенант-комендор Придхам-Уимпел¹⁹ сошел, наконец, с мостика, где простоял двенадцать часов кряду и с наслаждением закуривая свою первую трубку за этот день сказал лейтенанту К.:

– Ну, с меня хватит Черного моря, я был уверен, что мы погибали.

На миноносце было разбито все, что только могло разбиться. В каютах, кубриках и внутренних помещениях все залито водой. Обе шлюпки – вельбот и четверка – разнесены в щепы, а толстые, железные шлюпбалки вконец исковерканы. Впрочем, никто из экипажа не пострадал. Но, что было бы, если бы Императрица согласилась на бегство?

Терл и лейтенант К. немедленно отправились на «Сюперб», где сейчас же были приняты адмиралом Кальторпом. Ему переданы были письма от Императрицы и подробно доложено о посещении Харакса. Лейтенант К., кроме того, сообщил об угрожающем положении на Украине и умолял адмирала послать в Черное море союзный флот²⁰...

Иван Стеблин-Каменский

¹⁹Вероятно, это будущий адмирал Генри Дэниел Прайдхем-Уиппел (Sir Henry Daniel Pridham-Wippell, 1885-1952), прежде служивший в Галлиполи и у побережья Адриатики и Палестины.

²⁰ Вскоре это пожелание было исполнено.